

Янь Цун наконец-то закончил возиться с медом. Получилось совсем немного — маленькая баночка граммов на двести. Вволю наесться не выйдет, но вот распробовать новинку — в самый раз. Мед из его пространства обладал просто невероятным вкусом. Цун собирал его самым кустарным, неумелым способом, из-за чего много лакомства пропало зря, но именно эти «потери» ему и удалось продегустировать. Вкус превзошел все ожидания. Он не сомневался, что маме мед тоже очень понравится.

Снова наступила пятница. Сегодня по расписанию Янь Цун должен был поехать в дом семьи Янь, а на следующий день — отправиться к дедушке на выходные. Дойдя после уроков до автобусной остановки, он сразу заметил Бай Цзиньчэна, который небрежно прислонился к павильону. Цун поспешил к нему:

— Братец Бай!

Цзиньчэн, до этого хмуро подпиравший стену, при виде Янь Цуна мгновенно просиял.

— Сегодня к мастеру?

Янь Цун кивнул:

— Ага. Я теперь каждые выходные провожу у наставника, учусь ремеслу. А ты как здесь оказался?

— Специально тебя ждал, — признался Цзиньчэн. — Родители прислали посылку из-за границы. Мне все эти сладости без надобности, а ты у нас еще мелкий, так что забирай. — С этими словами он приподнял стоявшую рядом дорожную сумку. — Держи, теперь это твое.

Янь Цун опешил:

— Так много? Зачем ты мне отдаешь подарки от дяди с тетей? Мог бы поделиться с дедушкой Баем или со старшим братом.

— Стал бы мой взрослый брат возиться со сладостями! Да и мы с дедом не фанаты шоколада и какао. Бери раз дают, или ты уже старших перестал слушать?

Янь Цун невольно улыбнулся:

— Ладно-ладно. Тогда я приготовлю для тебя что-нибудь вкусненькое.

Цзиньчэн и не думал отказываться:

— Ловлю на слове! Попробуй только не приготовить, я мигом обижусь.

Они стояли плечом к плечу. Раньше Янь Цун едва доставал Цзиньчэну до плеча, но в последнее время тот заметно вытянулся, и разница в росте стала еще ощутимее. Цуну даже сделалось немного досадно:

— Братец Бай, ты опять вырос. Рядом с тобой я кажусь совсем коротышкой.

Цзиньчэн ласково потрепал его по голове:

— Тоже мне беда. Если небо решит рухнуть, я буду держать его над твоей головой, так что ты в полной безопасности.

Слова звучали по-детски наивно и высокопарно, но на душе у Янь Цуна стало на удивление тепло и сладко.

— Небо не рухнет! Типун тебе на язык!

— Надо же, какой суеверный ребенок, — усмехнулся Цзиньчэн.

В этот момент как раз подошел автобус. Янь Цун с трудом оторвал от земли тяжелую сумку.

— Ну все, братец Бай, я поехал. До встречи!

Цзиньчэн помедлил секунду, а затем шагнул на подножку следом за ним и легко перехватил у него сумку:

— Давай-ка я тебя провожу. Ноша тяжеленная, а мне все равно спешить некуда.

В салоне было полно школьников и студентов, попадались и пожилые пассажиры. Янь Цун не привык расталкивать всех ради свободного места, поэтому его быстро оттеснили в сторону. Цзиньчэн аккуратно увлек его в заднюю часть автобуса. Заметив свободное сиденье у окна, он подтолкнул Цуна вперед:

— Садись скорее.

Однако сидевший с краю пожилой мужчина даже не шелохнулся. Янь Цун вежливо попросил его немного убрать ноги, чтобы можно было протиснуться к окну, но тот демонстративно проигнорировал просьбу. Лишь когда Цзиньчэн повторил то же самое, но уже во весь голос, старик нехотя повернул голову:

— Ноги не ходят, двинуться не могу. Не пролезает — нечего и садиться.

С его-то характером Цзиньчэн терпеть подобное хамство не собирался. Он смерил старика ледяным взглядом:

— Ноги не ходят? А как же вы в автобус влетели быстрее всех? Не отпирайтесь, вы прямо перед нами заходили. Что, пока бежали, все ноги растеряли?

— Ах ты щегол паршивый, ты на кого тут каркаешь?!

— Ого! Если бы мои пожелания сбывались, я бы уже давно озолотился. Вам что, так трудно свои драгоценные конечности подобрать? Как же вы из автобуса выходить собираетесь? Или вас там невидимые родственники под белы ручки вынесут? Смотрю я на ваши синяки под глазами — лучше не злоупотребляйте их помощью, для здоровья вредно.

Автобус был забит молодежью. Услышав язвительную тираду Цзиньчэна, ребята дружно прыснули. Поведение старика и впрямь выглядело безобразно — развалился на два места из чистой вредности. Впрочем, среди пассажиров постарше нашлась сердобольная женщина, которая принялась отчитывать Цзиньчэна:

— Какая невоспитанность! Как так можно со старшими разговаривать? Он же тебе в дедушки годится, чему тебя только дома учили?

Но разве Цзиньчэн пасовал перед трудностями? Он тут же повернулся к недовольной попутнице:

— Раз уж вас дома воспитали как надо, почему вы молчите, когда человек на два сиденья разваливается? Меня лично не учили заглядывать в рот каждому встречному только из-за возраста. В нашей семье и без того хватает уважаемых родственников, путаница в поколениях нам ни к чему. И раз уж заговорили об обучении... Вы на этого ребенка посмотрите. Видно же, что слаб здоровьем? Если бы вашему внуку нездоровилось, а какой-то упрямый дед принципиально не давал ему присесть, вы бы тоже стояли и помалкивали? Рассуждать со стороны каждый горазд!

Пассажирка осеклась и невольно перевела взгляд на Янь Цуна. Тот среагировал мгновенно, включив все свое актерское мастерство. В его глазах заблестели слезы. Худенький, бледный, да еще и после воздействия модифицирующего препарата, он выглядел невероятно хрупким и болезненным. Очаровательная внешность всегда располагает к сочувствию, вот и женщина сразу прониклась к нему жалостью. Сменив гнев на милость, она тут же обрушилась на упрямого старика:

— И то правда! Посмотри на ребенка, старый ты пень! Тебе сложно ноги подвинуть, что ли? Тоже мне, барин выискался, будто на облачке сюда прилетел!

Женщина оказалась на редкость боевой и выдала в адрес деда еще добрый десяток колкостей. Старик, благополучно игнорировавший Цзиньчэна, под натиском ровесницы не выдержал. Не доезжая до своей остановки, он резко поднялся и поспешил к выходу, ворча под нос:

— Связываться себе дороже, лучше отойду...

Янь Цун вел себя тише воды, ниже травы. Как только старик убрался, он аккуратно протиснулся к сиденью, а устроившись, вежливо поклонился боевой женщине и искренне ее поблагодарил. От его кротости женщина даже слегка смутилась. Забыв о недавней перепалке с Цзиньчэном, она приветливо заулыбалась:

— Да ладно тебе, милый, пустяки. Нельзя же мимо такой несправедливости проходить.

Пассажиры заулыбались, и даже Цзиньчэн не сдержал смешка. Он вежливо извинился перед женщиной, объяснив свою резкость сильным беспокойством за здоровье младшего брата. Женщина, уже успевшая пожалеть Цуна, окончательно оттаяла. Она принялась нахваливать Цзиньчэна за заботу, заметив, что родителям несказанно повезло с такими дружными и хорошими сыновьями.

Наконец автобус прибыл к коттеджному поселку, где жила семья Янь. Цзиньчэн проводил Янь Цуна до самых дверей. Увидев гостя, Ван Синьяо поспешила поздороваться:

— Какими судьбами, Второй молодой господин Бай? Рада вас видеть.

Янь Цун уже слышал это обращение от тетушки Ван в день своего ученичества, так что ничуть не удивился. Он увлек Цзиньчэна в дом. Лао Ли, который выполнял в поместье всю мелкую и тяжелую работу, как раз возился во дворе — сегодня Янь Цзянь уехал на своей машине, так что водитель был свободен. Заметив внушительный багаж в руках Цзиньчэна, он поспешил забрать ношу.

— Не стоит церемоний, зовите меня просто Сяо Бай, — с улыбкой отозвался Цзиньчэн. — Это гостинцы от моих родителей, прислали из-за границы для Сяо Цуна.

Лао Ли унес вещи в комнату мальчика. Сам же Янь Цун сразу убежал на кухню, чтобы приготовить для Цзиньчэна зеленый чай с медом. Заварка была хозяйской, а вот мед — из его портативного пространства для хранения. Самыми лучшими вещами он всегда в первую очередь делился с названным братом.

Когда Янь Цун вернулся в гостиную, его мать уже вовсю беседовала с Цзиньчэном. Цун расставил на столике три чашки, подав первую маме, вторую — гостю, а третью пододвинул к тетушке Ван.

— Тетушка Ван, оцените мои старания.

Ван Синьмяо с улыбкой сделала глоток, и ее глаза тут же округлились от удивления:

— Ой? Что это за мед такой? Совсем не похож на наш домашний!

Янь Цун довольно прищурился:

— Правда же? Я раздобыл дикий мед. Совсем крохотная баночка, меньше полуфунта, а выложил за нее больше сотни юаней. Но вкус просто потрясающий, не смог устоять.

Ван Синьмяо так и ахнула:

— Батюшки, деточка, ну ты и транжира, когда дело касается еды! Сам ведь обычно ворчишь, что мы тебе слишком дорогие вещи покупаем.

Цун смущенно поскреб затылок и с надеждой посмотрел на маму и Цзиньчэна. Хэ Юйвэнь и Цзиньчэн тоже сделали по глотку. Невероятный, изысканный вкус напитка не поддавался описанию. Цзиньчэну показалось, что ничего подобного он в жизни не пробовал: в меде не было привычной приторности, лишь едва уловимая благородная кислинка, совершенно не похожая на брожение.

— Невероятно вкусно! — искренне восхитился он.

Хэ Юйвэнь согласно кивнула:

— Действительно замечательный мед. Определенно дикий. Помню, несколько лет назад я пробовала нечто похожее, но у этого вкус еще мягче и чище. Видимо, дело в породе пчел или медоносах. Так что сто юаней — это совсем не дорого, сейчас настоящий дикий мед днем с огнем не сыщешь.

Янь Цун просиял:

— Хи-хи, у меня отличный вкус, правда ведь?

Мать ласково улыбнулась ему:

— Конечно. У нашего Сяо Цуна безупречный вкус.

Глядя на их теплое общение, Цзиньчэн поймал себя на мысли, что они невероятно похожи на настоящую мать и сына. Черты лица, мягкий характер, даже то, как одинаково щурятся их глаза во время улыбки — все совпадало до мелочей. Он не стал углубляться в эти размышления, лишь лишний раз убедился, что между людьми существует незримая связь. То,

что Янь Цун попал в эту семью в качестве ученика, наверняка было предрешиено судьбой.

Цзиньчэна настойчиво уговорили остаться на ужин. Когда Янь Цун пообещал лично приготовить пару блюд, гость не устоял перед таким соблазном. Вернувшийся домой Янь Цзянь искренне обрадовался визиту юноши, и они на некоторое время уединились в кабинете. Ни Хэ Юйвэнь, ни Янь Цун не стали расспрашивать, о чем шла речь. Мать полностью доверяла супругу, а Цун был уверен: если дело касается его, Цзиньчэн обязательно все расскажет сам. Это тоже было вопросом безграничного доверия.

Вернувшийся к ужину Янь Сян при виде гостя недовольно поморщился, но, быстро вспомнив о высоком положении семьи Бай, мгновенно нацепил самую приветливую улыбку. Он так ластился к Цзиньчэну, называя его не иначе как «вторым братом Баем» и то и дело подкладывая ему лучшие кусочки, что Янь Цун невольно засомневался, уж не задумал ли этот придурок какую-то каверзу против его друга.

После ужина Янь Цзянь вручил сыновьям подарки. Это были две новенькие модели широкоэкранных телефонов — абсолютно одинаковые, разнились только цвета. Для Янь Цуна, привыкшего к технологиям будущего, эти аппараты казались допотопными, но по меркам нынешней эпохи они считались верхом технического прогресса.

— Это вам для связи, а не для игрушек, — строго предупредил отец. — Если узнаю, что кто-то из вас забросил учебу из-за телефона, не просто отберу игрушку, а лично отправлю к дедушке на перевоспитание!

Для Янь Сяна эти слова прозвучали угрозой, а вот для Янь Цуна — настоящей наградой. Впрочем, функции этого аппарата были слишком примитивными, чтобы отвлечь его от занятий. И все же Цун был бесконечно рад. Это был самый первый подарок от отца. Он решил сберечь его в своем портативном пространстве для хранения, где вещь навсегда останется новой и никогда не сломается.

Цзиньчэн с улыбкой записал номер Янь Цуна. Наглый Янь Сян тут же влез без мыла, навязывая гостю и свой контакт: мол, если что понадобится, «второй брат Бай» может рассчитывать на него в любое время дня и ночи, примчится по первому зову. Со стороны могло показаться, будто Цзиньчэн сколачивает какую-то уличную банду. Из уважения к старшему поколению семьи Янь гостю пришлось сдержаться и не ставить выскочку на место слишком грубо.

Когда Цзиньчэн уехал, на крыльце у ворот остались только Янь Цун и Янь Сян. Стоило взрослым скрыться из виду, как Сян грубо схватил Цуна за плечо:

— Даже не думай, что сможешь примазаться к сильным мира сего. Семья Бай никогда не примет такого оборванца, как ты. Знай свое место и не прыгай выше головы.

Янь Цун удивленно изогнул бровь. Похоже, у этого недоумка опять началось обострение.

— Если у тебя кружится голова, тошнит и слабость во всем теле — выпей таблетку, не запускай болезнь. А то сгоришь от лихорадки, наставник с супругой изведутся от беспокойства.

Янь Сян не сразу сообразил, что его только что изящно смешали с грязью. Пока до него доходил смысл услышанного, Янь Цун уже успел отойти на приличное расстояние, да и из дома как раз вышла Ван Синьяо. Получить нагоняй от родителей Сян не хотел, поэтому ему пришлось проглотить обиду. Однако злоба внутри него закипела с новой силой, а желание проучить Янь Цуна стало непреодолимым.

<http://bllate.org/book/20137/2181019>